

Ежедневно:
6:30 Утренняя информационно-музыкальная программа «Начало».
14:20 Авторский канал «От первого лица».
22:20 Музыкально-развлекательный канал для молодежи «4/4».
Понедельник, 8 марта
18:20 «Соотечественнику». «Ермак — судьба исторической памяти».
19:10 «Золосы Вероники». Радиоспектакль по одноименному рассказу С.Ф. Фицджеральда.
21:10 Религиозная программа для всех «Верую». Тема выпуска: «Женщина и вера: вчера и сегодня».
21:40 «Библиотека для чтения». По страницам журнала «Огонек».

Вторник, 9 марта
18:20 «Приложение к программе «Вот». (О проблемах материнства и детства).
18:40 «Поэт А.Стрельченко». Музыкальная передача.

19:10 Для старшеклассников: радиожурнал «Шалтай-Болтай».

20:30 «Московские новости» — завтра. Обзор еженедельника.

21:10 «В гриме и без грима». (О спектакле «Коварство и любовь» Большого драматического театра им. Товстоногова).

Среда, 10 марта
9:10 «Биват, маэстро!» Под фамилией Штрауса.

10:20 Для детей: сказка А.Зонтаг «Девичья березка».

18:20 «Живи, деревня!»

19:10 «Сонинья, лоски, мечта». Дискуссионный клуб для старшеклассников.

Четверг, 11 марта
9:13 «Арка». Календарь религиозных праздников на неделю.

13:20 «Кодекс».

19:10 Радиожурнал «Родительский час».

20:10 «Антология полей». Художественно-литературная передача.

Пятница, 12 марта
18:20 «Выбор». Передача о правозащитном движении.

20:10 «Час классической музыки». Загадочный Бивальди.

21:10 «Поколение». Поэт Л.Рубинштейн.

Суббота, 13 марта
18:20 «Новое кино». Экологическая программа.

19:10 Для старшеклассников: «В компании Марины Москвиной».

20:10 «Артисты приехали». Гости радиоклуба — авторы «Сатирикона».

21:10 «Вся музыка мира».

Воскресенье, 14 марта
10:20 «Звездное шоу».

18:20 Передача для военнослужащих «Солдатами не рождаются».

19:10 «После третьего звонка». Радиоспектакль «Скоморох-Памфилов» по одноименному рассказу Н.Лескова.

20:10 «От и до». Репортерский дневник Леонида Варевбура.

Ежедневно:
6:40, 7:40, 8:40 Гороскоп. В будни:
11:30, 15:30, 18:30 На улицах Москвы и Санкт-Петербурга.

12:00, 16:30 ТВ-реву (что интересного по телевизору).

20:00 по рабочим дням Московская панорама (культурная жизнь, интересные события и всякая всячина). Ведущий Григорий Гогосин. Между 7 и 8, 8 и 9 часами утра по рабочим дням анекдоты.

15:00 понедельник, четверг — Бизнес-клуб.

21:00, среда, 22:00 суббота. Коктейль в стиле близ.

21:00 пятница. Московский кинохит-парад (рейтинг за неделю различных фильмов).

Четверг между 19:20 и 19:30. Уно Момент. Необходимо правильно ответить на вопрос из области итальянской культуры. Победителя ждет ужин в итальянском ресторане «Звезды рыбака».

Координаты в эфире FM 103,7

Понедельник, 8 марта

10:00 — 01:00 Музыка, новости.

ШПРИЦ ВЫСОТОЮ В ТЕЛЕБАШНЮ выдают за государственное ТВ

Что изменилось на телевидении после рокового августа 1991-го? Или, может быть, лучше спросить: что не изменилось? Ибо то, что не изменилось, к сожалению, гораздо принципиальнее совершившихся изменений. Не изменились наши представления о самих себе. Мы убеждены по-прежнему, что советское телевидение всегда было государственным. Убеждены, что оно остается государственным и сегодня. Убеждены, что все наши беды проистекают из этого обстоятельства.

ЗАЩИТА ВЛАСТИ ИЛИ ЗАЩИТА ОТ ВЛАСТИ

А между тем ни единого дня наше телевидение государственным не было.

Потому что в демократических странах (а мы считаем себя такой) на государственном телевидении невозможно, например, единоличным указом сверху сместить очередного руководителя. Или передать телевизионный канал от одной компании другой, объявив ее еще более государственной.

Невозможно потому, что между государственным телевидением и верховной властью стоит независимый орган, избираемый президентом, правительством и парламентом (совет управляющих, административный совет, кураториум). Только этот орган и вправе назначить генерального директора, а также исполнительную дирекцию телевидения.

Ничего подобного у нас нет.

Председателя Гостелерадио назначало Политбюро, а затем, по традиции, президент.

И хотя в отличие от политбюро президенты у нас демократы, это не меняет аппаратной структуры вещательной пирамиды. Механизм обратной связи между телевидением и обществом в ней отсутствует. Да он никогда и не был туда заложен.

Говорят, что демократия — это власть большинства и права меньшинства. Отечественное телевидение всегда защищало интересы наименьшего из меньшинств — все того же политбюро. Теперь ему навязывают защиту интересов нынешней правящей верхушки.

Вот почему сравнение Останкинской телебашни со шприцом для идеологической инъекции, хотя и принадлежит поэту, — не метафора, а диагноз. И пока наши политические баталии будут разворачиваться вокруг вопроса, кто должен владеть шприцом (президент, парламент, общество «Память» или др.), вместо того чтобы покончить с самой идеей такого шприца, отечественному телевидению суждено оставаться номенклатурно-иерархическим.

«Если государство тратит миллиарды на свои государственные структуры, то оно, естественно, вправе требовать, чтобы люди, там работающие, проводили политику государства». Этот тезис звучит сегодня не менее убедительно, чем 30 лет назад. Но в чем состоит государственная политика применительно к телевидению — в защите власти или в защите от власти?

Крепостное сознание не приемлет подобной альтернативы. Такое сознание вообще безальтернативно. Еще в прошлом веке один либеральный юрист заметил: «Пороть мужика гусно, но что мы можем ему предложить взамен?» Весь горький опыт нашей реальности приучил к тому, что средства массовой информации — орудие репрессивное, чья задача — обеспечить монополизм единственно верной идеологии. Поэтому нам и сегодня дикой кажется мысль о государственном телевидении как вещательном органе, исключаяющем какую бы то ни было монополию.

МИФ О БЕСПЛАТНОМ ТВ

Что касается миллиардов, которые уходят на телевидение. Поскольку наше государство стано-

вится все более бедным, а телевидение все более нищим, многие полагают, что единственное спасение — коммерциализация, которая и принесет телевидению независимость.

Трудно представить себе идею более утопичную. Государственное телевидение, живущее на государственные дотации, — это тоже изобретение тоталитаризма. 30 лет назад мы умудрились отменить абонентную плату.

Такое не позволяло себе даже самые богатые страны, где государственное (или публично-правовое) вещание существует за счет абонентной платы, а рекламодатели и спонсоры — лишь дополнительные финансовые источники (да и то не везде).

Не менее мифично и представление о независимости коммерческого вещания. Переход от диктатуры идеологии к диктатуре рейтинга не скачок из царства необходимости в царство свободы. Если еще несколько лет назад застенчивому рекламному ролик удавалось с трудом проскользнуть между передачами, то теперь передачи у нас на глазах превращаются в кратчайшее расстояние между рекламами.

Так не пора ли нам перестать твердить вопреки мировому опыту, что государственное вещание от аудитории не зависит, в то время как он не только зависит, но и существует на деньги этой аудитории. Телезрители на Западе платят, чтобы не стать заложниками рекламодателей, чтобы телевидение окончательно не утратило свою образовательную и культурную функцию, на которую рекламодателям наплевать. И если мы хотим, чтобы телевидение служило обществу, а не аппаратчикам или коммерсантам, то нам не уйти от возвращения к абонентной плате.

ЗРИТЕЛИ ИЛИ ПАЦИЕНТЫ?

Тоталитарное прошлое обнаруживает себя не только в телевизионной структуре и экономике. Оно — в самом сознании тележурналистов.

Средства массовой информации — выражение для нас скорее декларативное. Куда привычнее «средства массовой информации и пропаганды» (СМИП). Десятилетиями сторонникам СМИПа и в голову не могло прийти, что информация сама по себе — без ее пропагандистского назначения — представляет какую-то ценность.

Если вы вооружены шприцом, то человек перед вами — не собеседник, а пациент. А если ваш шприц высотой в телебашню, пациентом становится вся страна.

Всего несколько лет назад во «Времени» рядом с диктором замыкая фигура робкого журналиста (хотя кто их мог тогда отличить друг от друга?), следующим шагом стало создание ТСН. Объявив своим лозунгом самоценность факта, ведущие вступили в конфронтацию с руководством. Конфронтация закончилась отлучением их от эфира, а еще спустя два месяца дебютировали на Российском канале «Вести». Однако, освободившись от циркулярности, ведущие решили не только сообщать о событиях, но и объяснять их аудитории. Мнения ведущих о фактах становились важнее фактов. И если прежде иностранцев поражала официальность «Времени» (голос диктора был голосом государства), то теперь их не менее озадачивал полемичный и субъективный характер журналистского изложения. От унифицированного государственного наставника («кремлевского» диктора) телевидение перешло к институту политических миссионеров. По существу, перед нами оборотная сторона все той же тенденциозности.

Фигура, сегодня наиболее типичная на экране — до боли знакомый нам агитатор-пропагандист. От Александра Невзорова до Юрия Ростова. Конечно, лично я предпочитаю Ростова (хотя он мне предпочел Америку), но суть дела от этого не меняется. (Исключение — аналитические «Итоги», где в роли комментатора выступают профессиональные эксперты и социологи).

Одно из главных различий между западной прессой и западными органами вещания — отсутствие у последних права на «редакционную» точку зрения в политических дискуссиях и тем более информации.

«ОСТАНКИНО»: ВЕСТИ С ФРОНТА

В эстетике скандала телекомпания «Останкино» существует уже не первый месяц.

Небольшую паузу со времени залпа полемики вокруг указа российского президента по телевидению нарушил последний взрыв — самоотставка первого зампреда телекомпании Игоря Малашенко. Все, что за этим последовало — как в эфире, так и за его пределами, — и вовсе превратило «Останкино» в арену боевых действий.

В эфире всю неделю происходило нечто невообразимое: снимались объявленные передачи и вместо них, как экстренные сообщения «информбюро» с линии фронта, ставились передачи, эстетическое качество которых обсуждать как-то не ловко.

В своем открытом письме новому председателю «Останкино» Вячеславу Брагину Игорь Малашенко заявил: ужогу, ибо первый канал превращается в арену политической игры, в которой участвовать не желаю. Ближайшие же эфиры оправдали его худшие опасения. А полностью развивающиеся внеэфирные коллизии подтвердили: борьба за политический контроль над «Останкино» приближается к кульминации.

Завязка была еще в конце прошлого года. Тогда на останкинском совещании Михаил Полторанин, министр информации, высказал свое со-

кровенное желание. Цитирую по пленке: «Создать, скажем, объединение «Эфир» и передать ему всю материальную собственность. И потом уже на основе программ мы можем эту собственность выдавать коллективам, в том числе «Останкино» или ВГТРК. Вы нам представляете программы — мы вам даем эфир, мы вам даем оборудование». Подобной системы контроля не снилось даже идеологическому отделу ЦК КПСС. Теперь, опять же следуя лучшим традициям этого учреждения, для оправдания политической игры в ход идет проверенный метод: разоблачение врагов народа. И они были обнаружены.

На минувшей неделе Михаил Полторанин сначала заявил, что первый зампред пытается укрывать политическими мотивами грубые финансовые нарушения, затем вовсе обвинил «Останкино» в коррупции и попутно предложил вернуться к идее об объединении двух государственных телекомпаний. Как бы сама действительность подталкивает к необходимости введения тотального контроля над эфиром: мол, вынужденная мера для борьбы с коррупцией.

Такого крутого поворота Вячеслав Брагин, кажется, и не ожидал. Во всяком случае не воспринял появление в воскресных «Итогах» вначале сообщения Степанкова о том, что ника-

В отличие от газет электромагнитные волны считаются общественным достоянием. Эфир принадлежит каждому или, что то же самое, никому. Отсюда и повышенная чувствительность к вещательному законодательству — соблюдению беспристрастности, объективности и балансу интересов.

Наше телевидение уникально. Оно сочетает в себе наследие авторитаризма с абсолютной свободой журналистского самопроявления. Мы ничего не знаем (да и знать не хотим) о доктрине справедливости или доктрине равных возможностей (когда изложение одной позиции на экране предполагает обязательное изложение позиции оппонента). Отечественные ведущие куда более независимы, чем их западные коллеги. В своих программах они свободны от любых моральных регламентаций. Не оттого ли слухи то и дело у нас выдаются за факты, инсценировки — за действительные события, вчерашние новости — за сегодняшние, видеозаписи — за трансляцию, чужие кадры — за собственные, а комментарии ведущего — за всенародную точку зрения?

Но даже когда слух пытаются выдать за факт, ни у кого не возникает сомнения: а нужно ли этот слух обнародовать вообще? Потому что если это не делается ты, то сделают на соседнем канале.

Почему англичане сняли о нас «Вторую русскую революцию», а мы не сумели? Да потому, что у нас почти нет документалистов, для которых непредвзятое исследование истины и сопоставление на экране различных мнений важнее, чем их собственные суждения. Когда наши журналисты вступают в общение с собеседником, то у них на лице написано, что они о нем думают. Они толкают перископом свою позицию, как официанты серверовочный столик.

Мы мечтаем о едином информационном пространстве. Но пока что у нас существует единое мифологическое пространство, где царят митинговая нетерпимость, постоянная взвинченность и истерика. Феномены Кашпировского или Жириновского спровоцированы телевизионными журналистами, не склонными задумываться над общественными последствиями своих решений.

Мы имеем дело с социально безответственным телевидением.

В последнее время у этого телевидения нет героев милье, чем гачкачества. Их выступления подаются с помпой и анонсируются заранее. Неудовольствием зрителям напоминают слова Вольтера, который готов был отдать свою жизнь за право его противника высказать свое мнение. Очевидно, этой фразой и ограничиваются представления журналистов о демократии.

Наивно думать, что телевидение стремится представить нам панораму общественных мнений во всем их многообразии и соответственно той роли, которую эти мнения играют в общественной жизни. Журналисты озабочены не объективностью изображаемой ими картины, а скорее типичностью приглашаемых персонажей. Особенно выразительны на экране истероидные характеры, а также фигуры одиозные и скандальные. Такие приглашения обоюдновыгодны: для одной стороны — даровая реклама, для другой — бесплатное представление.

Можно, разумеется, возразить: «А что вы хотите? Каково общество — таково и телевидение». Но отчего не сказать иначе: «Каково телевидение — таково и общество». Последнее выглядит самообольщением. Особенно если поставить вместо «телевидения» «информацию» (какова информация — таково и общество). Но замените «информацию» на «культуру» (какова культура — таково и общество), и формула покажется куда более убедительной. Культура пробуждает в нас те духовные качества, которые позволяют людям в любых обстоятельствах оставаться людьми.

Но можно ли телевидение считать культурой? Способно ли оно осознать себя не орудием пропаганды и не инструментом для аппаратных игр или сведения политических счетов, но средством коммуникации, равного которому в мире нет?

Сергей МУРАТОВ

кими фактами о коррупции в «Останкино» прокуратура пока не располагает, а потом резкого заявления Малашенко: «Полторанин лжет, и не в первый раз». 2 марта Вячеслав Брагин провел пресс-конференцию. Однако вопреки сообщению Полторанина, что к пресс-конференции готовятся разоблачающие материалы, Брагин сам тему коррупции не затронул. Его выступление в целом было мирным и обтекаемым, но при этом он отметил, что будет пресекать все попытки давления на телекомпанию. На прямой вопрос «Московских новостей», обнаружены ли факты, подтверждающие коррупцию, Вячеслав Брагин дистанцировался от слов типа «коррупция», «уголовные дела», «махинации» и привел лишь несколько фактов, которые нуждаются в финансовой проверке.

Сегодня, когда в «Останкино» ломается сетка вещания и работают проверяющие обвинения противоборствующих сторон комиссии, отставка Малашенко выглядит убедительной и для тех, кто неделю назад отнесся к ней скептически — как к несовместимости интеллектов. Поминитесь, даже июльские гикеты вокруг «Останкино» удалось сломить одним — убеждением, что телевидение — это не политика, а сфера профессиональной деятельности. Теперь полем боя стали не только коридоры государственной телекомпании, но и ее эфир.

Елена ЧЕКАЛОВА